

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

*В.Н. Бараков
(Вологда)*

РУБЕЖНАЯ ПРОЗА ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

В прозе В.И. Белова на рубеже веков происходили процессы, характерные для всей русской литературы. Публицистическое осмысление действительности с трудом уступало дорогу эстетическому ее воплощению. Так, книга Василия Белова «Внемли себе. Записки смутного времени» (1993) вполне вписывалась в целый ряд публицистических изданий А. Солженицына, В. Распутина и других. Главная мысль ее – сбережение народа. О современности, только языком сатиры, рассказал В. Белов и в «перестроечных» вологодских бухтинах. Впрочем, сама действительность так и просилась в подобный текст в силу своей, увы, универсальной трагичности... В книге «Пропавшие без вести» (1997) В. Белов признавался: «Мне стыдно что-либо сочинять, когда осуществляется предсказанная на острове Патмос земная трагедия...»; «Я утверждаю, что нынешние гримасы ее (действительности.– В. Б.) страшней самых изощренных построений Кафки и Амадея Гофмана». Центральным в этой книге является, пожалуй, рассказ «Душа бессмертна», состоящий целиком из монологического повествования. Эта форма преобладала и у Астафьева, Распутина, Солженицына... Вероятно, им хотелось высказаться, исповедаться, рассказать о самом главном.

Есть в этом издании В. Белова и повесть в рассказах «Медовый месяц», «скрепленная» «сквозным» героем, живущим в деревне (Коч). В ней Белов возвратился к теме Великой Отечественной войны.

Рубеж веков отмечен расцветом мемуаристики. Воспоминания В. Белова о Шукшине («Тяжесть креста». – Наш современник. – 2000. – № 10) выделяются особой проникновенностью, ведь Белов пишет о своем друге... Однако не в одной только фактической достоверности заключается ценность этих мемуаров, а в совершенно новом взгляде на все творчество В. Шукшина. В. Белов открывает завесу над реальным содержанием шукшинской прозы, и этот невиданный доселе ракурс неузнаваемо меняет окаменевший во времени облик русского писателя... Василий Макарович все знал и понимал, он был далеко не рядовым в духовной брани, не прекращающейся и сейчас. От него до сих пор исходит живая и могучая сила интеллектуального напряжения и та боль, которую оставил как завещание русской прозе максималист Шукшин. Смерть его загадочна, но до поры до времени. «Зная обстоятельства, – пишет В. Белов, – кои окру-

жали моего друга в последние годы жизни, я склонен думать, что дыма без огня не бывает, что рано или поздно люди узнают истинную причину шукинской кончины...»

Тяжелый крест дан нашему человеку пожизненно, но не всем уготовано познать спасительную силу Распятia. Показательной в этом отношении является мысль из рассказа Василия Белова «Филиппок» (из автобиографической рукописи) (сб. «Светлые души». – Вологда, 2006), относящаяся не только к крестьянину, а вообще к любому русскому человеку, живущему не по «законам рынка», а по совести: «Мужик не любил, когда его жалеют. Русский крестьянин с древних пор был достаточно горд, спокоен и снисходителен к барину, уряднику и даже к царю. Напрасно господа «демократы» называют крестьянина рабом...»

Давно всем известны типичные свойства русского характера: доверчивость, скромность, доходящая до самоуничужения, совестливость, милосердие. На Западе (да порой и у нас) их принято считать слабостью, забитостью, корни которой идут от татаро-монгольского ига, крепостного права и тоталитаризма. Но это не слабость и тем более не трусость. Просто в нашей традиции есть опора на высший смысл смирения. В храмах всей России из года в год, из месяца в месяц торжественно и ясно звучат голоса священников, цитирующих Евангелие: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Где теперь сокурсники Василия Белова по Литинституту, молдокматовы и давидьянцы, представители «золотой (вернее, золотушной) цэдээловской молодежи», обзывавшие будущего классика Филиппком, колхозником и плеебом? – «На десятилетия застряли в биллиардной»...

Этот закон един для всех. Можно назвать кучу библиотек, премий и фондов именами Ельцина или Горбачева – в народном сознании все будет по-иному.

Главным произведением беловской прозы первого десятилетия XXI века стала, бесспорно, трилогия «Час шестый» (2002), за которую писатель получил Государственную премию России. Впервые книга вышла полностью, без купюр, и только теперь можно сказать, какое место занимает она в русской литературе XX века.

«Час шестый» – это эпопея. У нас в прошлом веке создано не так много романов-эпопей, их и не может быть много. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Красное колесо» А. Солженицына; в этот список можно включить и монументальное произведение В. Белова.

Но только два автора из звездного ряда смогли сложить подлинный эпос, главным героем которого стал русский народ и в котором говорит сам народ, – это Шолохов и Белов. Не случайно, что по языку (а язык –

главное в искусстве слова) эти эпические картины затмевают всех в важнейшей литературной галерее.

Если М. Шолохов, как и положено эпическому художнику, предметом изображения сделал переломный момент отечественной истории – от Первой мировой до Гражданской войны, то В. Белов по-настоящему правдиво рассказал о пике нашей национальной трагедии, о коллективизации. И название всей трилогии дал особое – «Час шестой». В этот самый час был распят Иисус Христос...

Коллективизация – самое жестокое, чудовищное потрясение в нашей истории, потрясение, от которого мы до сих пор не смогли оправиться и которое волна за волной набегаёт на русскую землю. Не революция, не война переворачивают жизнь нации, а смена уклада. До 1917 года, да и в 20-х годах, 80% населения России составляло крестьянство, а 20% жили в городах. После коллективизации и последовавшей за ней индустриализации (с учетом миллионов погибших) все изменилось с точностью до наоборот – уже к 60–70-м годам 80% народа оказались горожанами, а 20% остались в деревне. Ничего страшного в этом не было бы, если бы процесс шел постепенно, но резкая, насильственная смена уклада сказалась даже на национальном характере. Россия вновь была поднята на дыбы.

В. Белов написал не просто эпос, он вывел в нем художественные типы – а это высший пилотаж в прозе.

И наконец, он разглядел религиозный, мистический смысл происшедшего, познал и раскрыл нам глаза на «тайну беззакония», которая, как известно, и сейчас в действии (эта тема раскрывается и в других произведениях Белова, например, в романе «Все впереди»).

Русский писатель оправдал надежды, возлагавшиеся на него Александром Яшиным. Незадолго до смерти Яшин предсказал, что Василию Белову суждено совершить творческий подвиг в русской литературе. Это предсказание, к счастью, сбылось.

Сейчас в критике стала довольно распространенной точка зрения о том, что современная деревня перестает быть основой преемственности, формирования национального характера, хранительницей народных традиций. Но, во-первых, национальный характер и народные традиции – слишком устойчивые во времени явления, которые сохраняются, пусть в видоизмененных формах, на столетия. Непопулярный ныне В. Ленин сказал об этом так: «Сила привычки – страшная сила». Повальная эпидемия «дачного» и «загородно-деревенского» ведения хозяйства – следствие не только бедности, но еще и неосознанного судорожного стремления сохранить привычный уклад хотя бы в миниатюре.

Во-вторых, львиная доля этнографических признаков деревни и основа так называемого «менталитета» переместились сегодня в провинци-

альную Россию в целом. С одной стороны – враждебный мегаполис Москва, с другой – бескрайняя Россия, по сути, большая деревня.

И, в-третьих, самое важное. Своей «гибелью» старая деревня способствовала не только подъему «деревенской» прозы, «тихой» лирики и «вологодской литературной школы», главными читателями которой были и остаются горожане. Она помогла возрождению православного миропонимания, духовной опоры нынешнего национального бытия, и, соответственно, воссозданию этической основы русской литературы, которая в лучшей своей части вернулась к классическим традициям.

Зерно, брошенное в землю, умерло, но принесло много плода...

*С.Ю. Баранов
(Вологда)*

«СВЕРЛЮК СТЕРЛЮК ХАРАХОРОВИЧ»

К вопросу о художественном статусе произведения

Рукописный экземпляр произведения, о котором идет речь, хранится в секторе письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВОКМ – 27415). Полное его заглавие таково: «Сверлюк Стерлюк Харахорович. Повесть. Древнее русское стихотворение 184-го года». Это любопытный образец словесности Вологодского края, не привлекавший большого внимания исследователей. Произведение было описано и опубликовано сотрудником музея-заповедника Н.Н. Малининой, выступившей также в качестве его первого комментатора и интерпретатора [Малинина]. Согласно предложенному ею описанию рукопись поступила в музей в 1947 году и содержится в тетради, листы которой маркированы водяным знаком, указывающим на дату изготовления бумаги – 1803. Характер письма также позволяет отнести рукопись к началу XIX века. Что же касается собственно текста, его содержательных особенностей, то Н.Н. Малинина предлагает видеть в нем «пример неиссякаемой сокровищницы устного народного творчества» [там же: 40]. Не ставя под сомнение связь произведения с фольклором (она достаточно очевидна), есть основания полагать, что, во-первых, эта связь – не прямая, а опосредованная, и, во-вторых, что «Сверлюк» является, скорее всего, созданием не народного, а литературного творчества. При этом естественно возникает вопрос о литературном ряде или даже о литературных рядах, в которые данное произведение могло бы быть включено и тем самым обрело бы необходимый для его корректного истолкования контекст.

Мотивируя принадлежность «Сверлюка» к литературе, следует прежде всего указать на формальные, стиховые характеристики произведения.